

А. Д. Дмитриев

ПАДЕНИЕ ДАКИИ

(К вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров)

Из всех провинций Дакия была последней покоренной римским оружием страной, и вместе с тем она была первой провинцией, которую римляне вынуждены были уступить варварскому миру.

Потеря Дакии нанесла римской мощи на Дунае тяжелый удар и имела весьма большие последствия для дальнейших судеб империи. Именно из Дакии, постепенно наводняемой северными варварами, начались первые массовые вторжения различных варварских народностей в дунайские области, на Балканский полуостров и в Малую Азию; эти вторжения в глубь Римской империи стоили ей большого напряжения и больших людских и материальных жертв. Немецкая шовинистическая историография, излагая эти вторжения, тенденциозно ставит повсюду на первое место готов — германцев, которые якобы вели за собой все другие негерманские племена. Поэтому и весь период этих вторжений в буржуазной науке получил название «готских войн». При этом самое завоевание Дакии и дальнейшие успешные вторжения варваров в глубь римской территории немецкие историки обычно объясняют «смелой отвагой и дикой храбростью германцев, которые столь часто внушали римлянам страх». Они постоянно подчеркивают у готов-германцев их «девственную энергию», их «всесокрушающую силу», их превосходство перед римским войском и ставят перед собой определенную задачу на примере этих вторжений показать не только «доблесть германского оружия», но и якобы «врожденное древним германцам стратегическое дарование, их природное стратегическое искусство»¹, которого якобы не имели все другие негерманские и, в частности, сарматские племена. Так, например, N. Jorga по поводу сармато-гетских вторжений II—III вв. писал: «эти многочисленные gentes Sarmatorum сами по себе никогда не представляли серьезной опасности для Рима... Только у германцев была действенная, угрожающая и всепобеждающая сила варварства... И только когда на границах империи появились новые варвары германской крови, начался всесокрушающий поток вторжений»². Однако такая трактовка событий извращает их истинную сущность и совершенно не соответствует действительности. Объективное и научное изучение источников позволяет сделать вывод, что готы-германцы в эпоху вторжений III в. еще плелись в хвосте

¹ Г. Дельбрюк, История военного искусства в римской политической истории, II, М., 1937, стр. 238 сл.

² N. Jorga, Geschichte des Rumänischen Volkes, I, Gotha, 1905, стр. 40.

других варварских народностей карпато-дунайского района и что самые вторжения этих народностей часто сливались с встречными волнами освободительной антиримской борьбы покоренных народов Дакии, Месии, Фракии, Паннонии и Иллирии, что ослабляло и изнуряло изнутри римскую военную мощь и обеспечивало варварам успех.

История продолжительной борьбы за Дакию и ее падение ясно обнаруживают перед нами эту связь и органическое слияние варварских вторжений с освободительной антиримской борьбой поработенных народов. Мы видим, что римская Дакия была не только первым плацдармом, откуда поток варварских народностей стал постепенно заливать империю, она была вместе с тем и первым местом, где поработенное туземное население консолидировалось с окружающим варварским миром для совместной борьбы против римского хищника и насильника.

Что представляла собой римская Дакия к моменту первых вторжений варваров в эту страну?

Опустошенная ужасными войнами Траяна, в которых погибла лучшая часть храбрых туземцев, Дакия после ее покорения была колонизована с большой поспешностью римскими и романизированными элементами, переселенными «ex toto orbe romano»¹. Из Далмации для разработки золотых рудников было переселено значительное количество рабочих. Большое число переселенцев прибыло из провинции Азии, из Вифинии, Карики, Галатии, Сирии, а также из Италии.

Процент римского населения, прибывшего сюда с самого начала оккупации, был таким значительным, как ни в одной из других провинций. На месте разгромленных многочисленных дакийских *davae* образовались новые колонии и города, в которых обосновалась чрезвычайно пестрая этнически масса императорских чиновников, ветеранов, сборщиков налогов, греческих и восточных купцов, ремесленников, скупщиков рабов, спекулянтов, авантюристов и других всякого рода больших и малых дельцов. По праву победителей вся пахотная земля была захвачена, как «*praedium populi Romani*», и полностью распределена между колонистами. Так как страна была богата и доставляла для колонистов большие выгоды, то в городах скоро образовалась многочисленная прослойка рабовладельцев, которая в качестве крупных землевладельцев и богатых торговцев стала играть первостепенную роль.

Вместе с тем Дакия сделалась главным форпостом римских владений на севере. В системе римской обороны она была превращена в военно-стратегический опорный пункт, в огромную военную крепость, предназначенную запира́ть проходы для варваров с востока на запад, и с севера на юг. Пока Дакия была в руках Рима, до тех пор были невозможны массовые вторжения северных варваров в дунайские области и на Балканский полуостров.

Вот почему Дакия была военизирована и покрыта целой сетью мощных оборонительных сооружений, превративших ее в военный лагерь и в весьма сильную военную крепость. Кроме *legio XIII Gemina*, который имел главную стоянку в *Arulium*, к моменту широких варварских вторжений сюда был переведен из Нижней Месии *legio V Macedonica* и были размещены еще 9 ал, 24 когорты и 2 *numeri*, которые в совокупности состояли из 26 000 человек. Они были размещены преимущественно на границах Дакии, которые были весьма сильно укреплены.

Так, от нынешних местностей *Alsó-Posva* и *Alsó-Kosály* вплоть до местности *Tihó* к югу от Быстрицы вдоль всей северной границы были

¹ Eutrop., VIII, 6: Traianus victa Dacia ex toto orbe romano infinitas eo copias hominum transtulerat ad agros et urbes colendas.

воздвигнуты очень мощные по тому времени оборонительные сооружения, простиравшиеся в длину на 65—70 км (Meszes — линия). Они состояли из двойной линии валов, 7—8 м шириной, впереди которых был вырублен в скалистых перилах глубокий ров. На возвышенных точках этих валов были сооружены вдоль всей линии каменные башни (*castella*), которые были заняты когортами и алами. Два легиона — XIII Gemina и V Macedonica, находясь в Apulum и Potaissa, оказывались в центре этой обширной сети кастелей, расположенной веером.

На востоке Дакии все проходы Карпат были защищены линией кастелей, которые прикрывали открытые долины рек, служившие воротами для варварских вторжений. Точно так же были укреплены каменными башнями и западные границы Дакии. Система защиты дакийского плато была непосредственно соединена с обороной Верхней и Нижней Месии двойной линией кастелей, прикрывавшей южную Дакию с востока и запада. Кроме того, были обеспечены укрепленными башнями и стоянками военных отрядов (*stationes*) все главные дороги внутри провинции.

Все эти пограничные валы, рвы и каменные башни, опоясывавшие дакийский *limes*, вместе с военными *stationes* должны были представлять действительно мощную систему оборонительных сооружений, надежно обеспечивавшую империю от вторжений варваров. Но, несмотря на это, линия римской обороны была вскоре прорвана, а вслед за тем пала и сама, казалось бы, неприступная, дакийская крепость, обороняемая двумя легионами со множеством вспомогательных войск.

Скудные источники не позволяют нам говорить подробно о событиях, связанных с падением этого форпоста римской мощи на Дунае. Но все же они дают нам возможность заключить, что оборона дакийской крепости была подорвана не столько внешней варварской, сколько внутренней силой. Этой силой была освободительная борьба поработанного дакийского народа, сливавшаяся с напором варварских народностей Карпато-дунайского района.

Дакийский народ в двух тяжелых войнах был разгромлен и понес огромные потери. Многие тысячи уцелевших даков были захвачены победителями и проданы в рабство с торгов или окончили свою жизнь на арене цирка¹. Многие из молодых даков были угнаны в далекие страны во вновь созданные вспомогательные войска, согласно основному правилу римлян: *provinciarum sanguine provincias vinci* (Т а с., Hist., IV, 17). Еще больше погибло при замирении страны после войны. Нам прекрасно известны террористические приемы римских «усмирителей» во вновь завоеванных провинциях.

То же происходило и в Дакии после ее завоевания, как это можно видеть на знаменитой Траяновой колонне. На многих местах колонны изображаются сцены поджога дакийских изб (сегм. 21, 40, 92, 112 и др.), разрушение каменных зданий в дакийских городах (сегм. 56 и др.). На сегментах 28 и 57 весьма ясно представлено, как римские легионеры выгоняют даков из их жилищ и последние, безоружные, с женами, стариками и грудными младенцами в ужасе бегут, спасаясь от мести завоевателей. На сегментах 106, 107, и 110, 111 мы видим, как преследуемые и не успевшие спастись от римского меча даки настигнуты в горах и лесах конными легионерами, которые отнимают у них скот, вяжут им руки, берут их в плен и гонят через горы и леса для продажи в рабство.

«Космополитическая переплавка всех наций и племен в римлян», о которой так любят говорить буржуазные историки, коснулась далеко не

¹ Только в течение одного лишь триумфа Траян бросил на арену цирка, по словам Диона Кассия, десять тысяч пленных даков (D i o, XVIII, 15).

всего туземного населения Дакии, уцелевшего от меча Траяна, а только его верхушечного слоя. Остатки дакийской аристократии со временем оправились от тяжелых ударов судьбы, которая обрушилась на их страну, и снова поднялись. Эти даки и их потомство хотя и находились под властью римлян, но не восставали против них. Рядом с чуждыми колонистами они скоро примирились с римским господством, ибо получали выгоду от него. Они спешили доказать свою лояльность и свою покорность оккупантам, с охотой служили в войсках римлян, которые также охотно предоставляли им высшие военные звания. Победители были милостивы к таким подданным, которые отрекались от всего родного и с смирной воспринимали все блага римской цивилизации, принимали римские имена, римские обычаи и традиции и гордились тем, что они *Romani*, а не *extranei*. Надписи часто называют нам имена таких романизированных даков, и уже ко времени так наз. «тридцати тиранов» один из них, Регалиан, мнимый потомок храброго Децебала, мог объявить себя «римским императором»¹.

Но простой дакийский народ относился с непримиримой ненавистью к римским оккупантам и римской культуре. Для него эта культура была символом утраты свободы и независимости и означала жалкую жизнь рабов, обязанных воздвигать дома и лагеря, прокладывать дороги, строить для чуждых колонистов великолепные города и обрабатывать их поля. С такой культурой уцелевшие остатки дакийского народа и его потомство никогда не могли примириться. Часть оставила свои разгромленные очаги и ушла искать нового отечества вне границ римской Дакии, на севере и северо-востоке, где проживали их единоплеменники — сабоки, косто-боки и карпы и где образовались многочисленные поселения этих так называемых «свободных даков»². Часть бежала в горы и леса и оттуда мстила римским захватчикам, ведя против них неутомимую партизанскую борьбу. В глазах римской юстиции эти даки, не желавшие подчиняться римскому игу, были только «разбойниками» (*latrones*). Большое количество дошедших до нас из Дакии и Верхней Месии надписей от II—III вв. о нападениях этих *latrones* на города и виллы³ свидетельствует об их интенсивной деятельности, и мы, конечно, должны рассматривать эти выступления не как простой бандитизм, а как особую форму освободительной антиримской борьбы дакийского народа⁴.

Оставшиеся в глубинных районах провинции поработанные даки хранили все время непримиримую ненависть к римским колонистам. Особенно в отдаленных восточных и юго-восточных областях, где почти не было римских войск, в течение всего времени оккупации росла и ширилась среди туземного элемента реакция против римского господства и угнетающих римских порядков. Там не раз поднимался дакийский народ на открытую борьбу против оккупантов, встречая поддержку «свободных даков» и *latrones*, облегчая соседним варварам проникновение в страну и нередко действуя совместно с ними.

Первое восстание даков, засвидетельствованное источниками, относится к 139 г. В это время римляне вели тяжелую войну с сарматскими племенами, которые поселились западнее Дакии между Тиссой и Дунаем (Ptolem., III, 7). Воспользовавшись затруднительным положением римлян, покоренные даки подняли восстание в тылу римских войск. Однако источники для изучения истории этого и других восстаний очень

¹ SHA, Trig. tyr., 10, 8: fuit ... gentis Daciae, Deceballi ipsius ut fertur adfinis.

² Daci liberi, Δάχοι ῥεῖστοι, см. Dio, LXXVIII, 27, 5.

³ CIL, III, 1559, 1579, 1585, 2544, 80009, 8021, 8242, 8830, 14587; ср. также CIL, III, 6733, 10312, 10313 и AEр, 1901, № 18; 1934, №№ 72, 179, 203.

⁴ Такую же трактовку движениям *latrones* в Дакии дает и И. Кругликова в своей статье «К вопросу о романизации Дакии», ВДИ, 1947, № 3, стр. 229.

скудны. Известна только одна монета с именем Дакии, датируемая 139 г., которая, очевидно, относится к этому восстанию.

В конце 143 г. Антонин Пий снова вынужден был вести настоящую войну против восставших даков. Об этом восстании кратко упоминают Элий Аристид в своем панегирике Риму, произнесенном в апреле — июле 144 г.¹, а также биограф Антонина Пия в суммарном перечне военных действий в правление этого императора (SHA, Anton. Pius, 5, 4) и Полиен в своем приветствии Марку Аврелию и Веру². Кроме этих литературных свидетельств, имеются еще довольно ясные следы этого восстания даков в надписях. Так, один военный диплом от 144 г. показывает, что как раз в этом году гарнизоны *Dacia Superior* были усилены новыми вспомогательными войсками, к чему, конечно, принудило это восстание, с которым местные силы, очевидно, справиться не могли³. Именно на подавление этого восстания были брошены стоявшие в Месии и Паннонии когорты *cohors I Alpinorum*, *cohors II Gallorum Pannonica*, *cohors IV Hispanorum*, *cohors I Thracum sagittariorum* и, вероятно, также *cohors I Vindelicorum miliaria*. В связи с этим восстанием, возможно, стоит также и спешное укрепление новыми оборонительными сооружениями долины Малого и Большого Самоша, где находился один из главных очагов римской колонизации (AEP, 1906, № 112).

Мы можем также с большой вероятностью предположить, что этому серьезному восстанию даков сопутствовало вторжение соседних варварских народностей и, прежде всего, этнически близких им карпов. За это, как будто, говорит участие в операциях сравнительно значительных римских военных сил и выражение биографа Антонина Пия «*Dacos et multas gentes... contudit*». Кроме того, имеется одна надпись, правда, не датированная, о награждении Антонином Пием одного солдата за исключительную храбрость в войне с карпами (AEP, 1900, № 155).

В 156—157 гг. опять вспыхнуло новое большое восстание в северной части Дакии, которое подавил легат Антонина Пия М. Statius M. f. Cl. Priscus Licinius Italicus⁴. И это восстание, очевидно, приняло большие размеры, так как постоянных оккупационных войск Дакии оказалось недостаточно и в район восстания были переброшены вспомогательные войска из других провинций; из Нижней Месии — *ala I Gallorum et Pannoniorum catafractaria*, из Нижней Паннонии — *ala I Tungrorum Frontoniana* и *cohors I Augusta Nerviana velox*, которая в 107 г. числилась в войсках Мавритании Цезарианской⁵. Точно так же *cohors II Hispanorum scutata Cyrenaica*, стоявшая в южной Дакии, была переброшена отсюда на север в район восстания. Вполне вероятно, что три дакийских диплома от 156/157, 158 и 159 гг. были выданы солдатам военных частей, действовавших против восставших. Солдаты, очевидно, после подавления восстания были уволены и получили право гражданства *ob virtutem* и, следовательно, можно думать, что только в 159 г. восстание было повсеместно и окончательно ликвидировано. Несомненно, и легион XIII Gemina принимал участие в подавлении восстания, и поэтому вполне вероятно, что он именно после успешной ликвидации этого восстания мог

¹ Aristid., XXVI, 70, K, ed. Dindorf, I, стр. 350.

² Polyæn., Strateg., VI, praefat., ed. Woelfflin,² стр. 277; ср. «Orac. Sybill.», XII, 180 сл.

³ CIL, III, стр. 1983, Dipl. LVIII.

⁴ CIL, III, 7882; 1061 = Dessau, ILS, II, 4006; ср. CIL, III, 940, 1416; VI, 1523 = Dessau, ILS, I, 1092.

⁵ CIL, III, 1989, ср. 2328⁶⁴, Dipl. LVIII от 8 июля 158 г. = Dessau, ILS, I, 2006.

заслужить почетное прозвище *pia fidelis*, которое ему было присвоено, как показывают надписи между 8 июля 158 г. и 27 сентября 159 г. (CIL, VI, 1523; III, 17041). Сам Антонин Пий после победы над восставшими даками получил почетное прозвище «*Dacicus*», о чем говорят две африканские надписи, датируемые 157—161 гг.¹ А множество монет, отчеканенных в ознаменование этой победы, свидетельствует, насколько грозным для империи было это восстание и насколько важной считалась победа². Среди монет с различными символическими изображениями особенно интересны бронзовые монеты, на которых мы видим изображение Дакии в виде рабыни, сидящей покорно у ног воинственного Марса, который держит в правой руке *Troaeum*, а правой ногой попирает рабыню (ук. изд. F. Gnecchi, там же таблица).

Но эта рабыня не смирилась. Правда, Антонин Пий принял ряд чрезвычайных мер для предотвращения восстания дакийского народа. С этой целью вскоре после подавления последнего восстания *Dacia Superior* и *Interior* была разделена на три военных округа, названных *Apulensis*, *Malvensis* и *Porolissensis*; во главе каждого округа был поставлен императорский прокуратор, наделенный чрезвычайными полномочиями. Однако ни введенный свирепый военный режим, ни наличие сильных гарнизонов не обеспечили полного спокойствия в провинции. Надписи снова упоминают о широких движениях, во время которых были убиты высшие должностные лица Дробеты и других городов³. Возможно, эти движения относятся уже к периоду так наз. Маркоманнской войны при Марке Аврелии. Эта война, естественно, пробудила у поработанных даков надежды на освобождение от римского гнета, и они приняли в ней активное участие, оказывая то скрытую, то открытую поддержку наступавшим варварам и подрывая изнутри оборону дакийского плацдарма.

Здесь на правом фланге огромного фронта Маркоманнской войны против Рима сплоченно выступал большой союз этнически родственного карпато-дунайского варварского мира. К этому этнически единому миру принадлежали и даки, оторванные от этого единства Траяном.

Биограф Марка Аврелия называет нам некоторые из этих народностей, принимавшие участие в Маркоманнской войне. Это были буры, бессы, сабоки, костобоки и бастарны-певкины⁴. О буре упоминает Дион Кассий как о союзниках даков еще во время Траяновых войн⁵. Кроме этих народностей, в Маркоманнской войне на левом фланге варварского фронта принимал участие целый ряд других гето-дако-фракийских племен Карпато-дунайского района⁶, среди которых наиболее многочисленными были карпы (*καρπίνοί* и *Ἄρτιοι*). Таким образом, в то время как на левом фланге и в центре огромного римского фронта в Маркоманнской войне против Рима стояла коалиция германо-сарматских племен, на правом фланге образовался могучий союз гето-дако-фракийских народностей, перешедших от самообороны к наступлению. Военная

¹ CIL, VIII, 12513 = Dessau, ILS, I, 345; VIII, 20424.

² См. в изд. F. Gnecchi, *I medaglioni romani*, II, Milano, 1912, 17, 70 = Tab. 50, 7; H. Mattingly and E. A. Sydenham, *The Roman imperial coinage*, III, London, 1930, стр. 57, 89, 58, 59, 143—147.

³ Надписи: M. J. Aschner und Fr. Müller, *Die römischen Inschriften in Dacien*, Wien, 1865, № 38, стр. 8: *Lucio Julio, Lucii filio, Sergia Basso decurioni municipii Drobetae, quaestori, interfecto a latronibus*; № 887, стр. 192: *Publio Aelio Ariorto, quatuorviro annali municipii Diniernium, hic caesa a latronibus*; ср. CIL, III, 1579, 8009, 8021.

⁴ SHA, Marc., 22, 1; ср. восстановление текста у Ф. Брауна, *Разыскания в области гето-славянских отношений*, «Сборник Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук», 64 (СПб., 1899) стр. 161.

⁵ Dio, LXXVIII, 8; ср. LXXI, 18 и LXXII, 2, 4 и 3, 1, 2.

⁶ SHA, Marc., 22, 1: *gentes omnes ab Illyrici limite usque in Galliam conspiraverant*

крепость — Дакия была взята в клещи, и это именно и создавало грозную опасность для римской оборонительной линии на всем огромном театре военных действий. Опасность увеличивалась еще тем, что внутри самой Дакии навстречу наступающему врагу поднималось на борьбу поработенное туземное население.

Мы знаем, что уже в 168—169 гг. вождь «свободных даков» Тарб, вторгшись в Дакию, дошел до самой Децебаловой столицы Сармизегетызы (D i o, LXXI, 11). И как раз во время этого вторжения вспыхнуло восстание в Дакии против римских оккупантов. Гарнизоны укрылись в укрепленных городах, а открытые места подвергались опустошению. Одна надпись уведомляет нас о том, что столице Дакии угрожала «двойная опасность»¹. Эта двойная опасность могла произойти только вследствие восстания даков, в то время как извне вторглись в глубь Дакии «свободные даки». Город *Alburnus major* (ныне *Verespatak*) в горном золотопромышленном районе был сожжен, и пришлые рудокопы должны были оттуда бежать. (CIL, III, 1289). Вполне возможно, что туземные жители, скрывавшиеся в этих горах от римского гнета («*latrones*»), теперь выходили из своих убежищ на борьбу совместно с пришедшими соплеменниками, что и нашло свое отражение в целой серии надгробных надписей, поставленных на могилах знатных колонистов, убитых «разбойниками». По крайней мере после окончания Маркоманнской войны для безопасности рудников потребовалась полная военизация их, и вместо императорских вольноотпущенников прокураторами рудников стали назначаться высшие офицеры — *beneficiarii* (CIL, III, 1289).

Нельзя забывать и того, что ко времени Маркоманнской войны в тылу Дакии, а именно в Месии жили тысячи даков, переселенных туда римлянами в качестве рабов и колонов. Об этих скромных *vernaculi* дакийского происхождения часто упоминают надписи из Нижней Месии². И теперь, во время событий в Дакии, и для этих не поддававшихся романизации бедных *vernaculi* блеснул луч надежды на возможность лучшей жизни, которую можно было добыть только кровавой борьбой. Они, несомненно, поднимали восстания в тылу римских войск.

У нас есть указания, что Нижнемесийский *legio V Macedonica*, мобилизованный и отправленный на дакийский фронт, тем не менее вел свои военные операции, оставаясь в тылу Дакии, в Верхней Месии; и сам легат *Moesiae Superioris et Daciae trium M. Claudius Tib. f. Quirin Fronto*, командовавший правым флангом, после единственного счастливого сражения погиб в борьбе на территории Месии (в 170 г.)³.

Очевидно, пламя опустошительного восстания слилось с вторжением и разлилось по всей Месии. Линия Дуная была прорвана, и война для римлян теперь приняла характер не столько борьбы с наступающим внешним врагом, сколько ожесточенной борьбы с освободительным движением поработенных народов Дакии, Месии и Фракии. Этой поддержкой угнетенных масс дунайских провинций были сильны варвары, и, наоборот, эта поддержка ослабляла силу римских войск.

Только эта внутренняя освободительная борьба позволила костобокам в 170 г. совершить глубокий рейд на Балканский полуостров. П а в с а н и й (X, 34, 5), как современник, сообщает, что костобоки не встречали нигде серьезного сопротивления. Мы знаем также, что когда костобоки устремились в Малую Скифию (Добруджу), то местные даки — *vernaculi*

¹ «Eph. épigr.», IV, № 188.

² CIL, III, 7437 (= 6150), col. I, 1, 52 и col. II, 1, 19.

³ CIL, III, 1457, 7505 = D e s a u, ILS, 2311, 1097, 1098. В Сармизегетузе ему был воздвигнут памятник: *fortissimo duci, amplissimo praesidi*.

захватывали земли у римских колонистов. Гельвий Пертынакс, наместник двух Месий, затем Дакии и позднее император, пацифицировал Малую Скифию после нашествия костобоков. Он утверждал повсюду старый римский порядок и возвращал захваченные даками земли их прежним владельцам — колонистам (CIL, III, 14437, 2).

Мы знаем также, что в это время прорыва варварами дакийского фронта происходили волнения угнетенных масс даже в глубоком тылу, далеко от театра военных действий. В Малой Азии народ волновался, ожидая скорой гибели ненавистного Рима. Как Марик во времена Вителлия в Галлии и как пророчицы во время Нерона в Британии, так и сейчас в Малой Азии вставали пророки и, проповедуя о скором конце римского господства, возбуждали народ.

В поэзии «Сивиллиных оракулов» запечатлелись эти гневные речи народных пророков, отражавших в своих речах чувство гнева, которым террористический режим империи переполнял народные сердца.

*«Вот приблизилась уже, царь, к тебе смерть,
как родимый брат,
Не избежишь в тебя пущенной острой стрелы»¹.*

*«Как же будешь горевать ты тогда, гордая царица.
Заменится черной одеждою мантия пурпурная твоя,
Оставишь ты царскую пышность свою навсегда,
И падут из рук легионов твоих орлы, чтоб не встать
никогда.*

*Где же помощь тогда ты найдешь? Кто захочет тебя
защитить?»*

*Защитить ту, кто так долго весь мир принуждал
Подчиняться несправедной власти твоей»².*

Эсхатологические чаяния христианских масс переводились на язык реальной действительности, и надежды на скорое освобождение от римского гнета связывались с вторжениями и победами варваров. Ширились все более толки, что эти варвары положат конец Риму, что они идут как мстители бога и что под их ударами скоро рухнет весь мир неправды и зла и страшные муки постигнут этих гордых и знатных римлян, угнетающих народ. Массы, возбуждаемые пророками, не только идеологически, но и во внешнем поведении обнаруживали величайшую непокорность властям и готовность помочь варварам.

Хотя борьба за Дакию, происходившая в период Маркоманнской войны, окончилась поражением варваров, однако даки³ не прекратили освободительной борьбы. Восстания даков происходили и при Коммодe. В 180 г. в союзе с бурами и другими соседними племенами Дакии протосы вторглись в провинцию, но были разгромлены легатом Сибинианом⁴. По словам Диона Кассия, эти даки в количестве 12 000 надеялись освободить Дакию от римлян, но были побеждены и поселены в провинции для обработки земли и уплаты дани (D i o, LXXII, 3).

В 184 г. в союзе с соседними карпато-дунайскими племенами дакийское туземное население снова поднялось против римлян. Это было серьезное восстание, в подавлении которого участвовали лучшие офицеры Коммодa, Песцений Нигер и Клодий Альбиц, по словам Диона Кассия,

¹ «Oraс. Sybill.», XIV, 222—223 (ed. A. R z a c h).

² «Oraс. Sybill.», VIII, 71, 81—83, 86—87.

³ S y n c., стр. 665 (ed. D i n d o r f): «Ρωμαίοι... Δάκες... κατεπάχισαν».

⁴ Ср. «Prosop. imp. Rom.», III, стр. 413, № 339.

отличившиеся в этой войне¹. Об участии даков в этой войне ясно говорит биограф Коммода (SHA, *Commod.*, 13,5). О серьезном характере восстания можно заключить из того, что в Дакию был тогда переброшен для операций весь легион IV Flavia, которым командовал Клодий Альбин. Несомненно также, что общее тревожное положение в Дакии после подавления восстания побудило Коммода усилить внутри провинции военный режим и провести ряд предохранительных мер для пресечения связи даков с пограничными варварскими народностями. Коммод покрыл Дакию широко разбросанной сетью охранительных сторожевых постов, а вдоль границ, в глухих местах, откуда «*latrunculi*» имели возможность переходить к варварам, приказал сооружать специальные наблюдательные башни (*burgi*) и расставил военные заставы².

Энергичный и дальновидный Септимий Север продолжал его политику и провел целый ряд мероприятий по усилению военного режима в Дакии. При нем был переведен из Нижней Месии в Potaissa на постоянную стоянку легион V Macedonica (CIL, III, 160 сл), число *castra praetoria* и *burgi* было удвоено, и была усилена сеть сторожевых постов (*stationes*)³. Эти мероприятия имели главной целью обезопасить Дакию от внутренних восстаний туземного населения, и, по крайней мере, в правление Септимия Севера мы не слышим ничего о новых восстаниях.

Однако его сын и преемник Каракалла снова должен был вести тяжелую войну против восставших даков, опустошивших провинцию (D i o, LVIII, 27,5). Восстание сопровождалось вторжением союза карпато-дунайских племен, во главе которого стояли карпы, и распространилось на Месию и Фракию. Весной 214 г. Каракалла на своем пути на Восток с большой армией направился в Месию и Дакию и разбил врагов в ожесточенном и кровопролитном сражении⁴; при этом в обеспечение спокойствия провинции он взял у даков заложников. В Oescus, в Нижней Месии, была найдена надпись, содержащая панегирик одному *primipilaris*, который участвовал в войне Каракаллы в Месии и боролся с большой храбростью против врагов (*adversus hostes Carpos et res prospere et valide gestas*). Эта исключительная храбрость (*alacritas virtutis*) доставила ему, кроме награды от императора, широкую известность в месийских городах, и Oescus избрал его председателем своего сената (*princeps ordinis*), а другие города присвоили ему звание сенатора (*buleata*) (CIL, III, 14416). Это свидетельствует, как серьезна была война и как сильно угрожала она благополучию римских колонистов. После войны в Дакию посылались императорские чиновники-усмирители, и еще при Макрине в 217 г. туда был послан прокуратор *Narcisus Claudius Agrippa*, который для пачификации дакийских туземцев был наделен чрезвычайными судебными полномочиями (D i o, LXXVIII, 13, 2).

Так в течение продолжительного времени вслед за оккупацией Дакии не прекращалась борьба дакийского народа против римского господства.

В своей неравной борьбе они, естественно, опирались на вторгавшиеся, этнически близкие им, племена и народности. Для них эта борьба на стороне варварского мира приобретала полный действенного порыва смысл освободительной борьбы. В этом упорном сопротивлении покоренных

¹ D i o, LXXII, 8; ср. Z o n а р., XII, 4, стр. 533 (ed. N i e b u h r); М а л а л а, XII, стр. 281 (ed. Bonn) неправильно предполагает, что война велась против генидов.

² CIL, III, 10313, ст. III, 7494, 6733, 3751, 3769—3772, 1069; AEp, 1905, № 144.

³ Cp. T e r t u l l., Apol., 2: *statio militaris latronibus investigandis per universas provincias*; SHA, Sever., 18, 6: *latronum ubicumque hostis*.

⁴ SHA, Caracall., 10, 6: *et Gothi Getae dicerentur, quos ille, dum ad orientem transit, tumultuariis proeliis devicerat*. Здесь месийские геты-даки ошибочно названы готами.

народов провинций римскому господству мы видим ахиллесову пятую римской военной мощи, несмотря на блестящую организацию военного дела и на безусловное превосходство римских вооруженных сил перед многочисленными, но нестройными толпами варваров.

И только в результате этой внутренней освободительной борьбы мощная оборона дакийской крепости к началу так наз. «готских войн» на Дунае была, по сути дела, уже подорвана, и удержать ее было весьма трудно. Когда началось широкое вторжение варваров в дунайские области, римское правительство еще серьезно надеялось удержать Дакию. Мы знаем, что в 235 г. на территории Дакии происходили ожесточенные битвы Максимиана с сарматами и даками¹. Точно так же и при Филиппе в 245 еще продолжались эти битвы за Дакию². Но это были уже последние отчаянные усилия сохранить этот важный военно-стратегический плацдарм. Уже при Галлиене большая часть Дакии была наводнена северными варварами, и римские войска среди враждебного туземного населения не могли больше сдерживать их напор.

Галлиен должен был частично эвакуировать Дакию³. Войска были отведены с севера этой провинции, оставив плато Трансильвании и сосредоточившись в южной части для прикрытия линии Дуная. Множество римских колонистов бежало на правый берег Дуная, зарывая свои сокровища в землю, вероятно, в надежде на возвращение⁴. Но общая ситуация не улучшалась. Малая Скифия (Добруджа) вслед за Дакией сделалась в это время настоящей *via gentium*, и коммуникации между Дакией и Месией, наводняемой варварами, были разорваны. Нельзя было более пытаться удержать Дакию, лежавшую по той стороне Дуная, ибо в тылу ее, в Месии, разыгрывались события, подобные происходившим ранее в Дакии. Это заставило Аврелиана окончательно эвакуировать Дакию. Он вывел оттуда легионы XIII Gemina и V Macedonica и все вспомогательные войска. За римской армией потянулись и колонисты: чиновники и их семейства, ветераны, жрецы, служащие, землевладельцы, купцы, спекулянты и все, существование и благополучие которых было связано с римским господством⁵. Туземное поработенное население Дакии осталось у своих бедных очагов. Они ничем не рисковали, оставаясь в родной земле среди варваров-завоевателей. Напротив, это завоевание знаменовало для него освобождение от террористического режима Римской империи.

Так пала Дакия — этот форпост римской мощи на Дунае. Она пала под двойным ударом внутренних и внешних врагов Римского государства. И тот поток прежде неведомых Риму народностей, который устремлялся из нее в глубь римской территории, возбуждал у покоренных народов Месии, Фракии, Паннонии, Иллирии, Македонии, Греции, Малой Азии, как и у даков, надежду на скорое освобождение от угнетающего римского господства и поднимал их на борьбу.

¹ Максимиан с 235 г. носит титул «Sarmaticus max., Dacicus max.», см. CIL, III, 3735, 3736, 3740; V, 8076, XII, 5559.

² Zosim., 120, 2; Evagr., Hist. eccl., V, 24; ср. CIL, III, 1054.

³ Eutrop., IX, 8; Aur. Vict., Caes., XXXIII, 3; Oros., VII, 22, 7.

⁴ CIL, III, 161 — о множестве найденных римских монет от этого времени.

⁵ SHA, Aurel., 39, 7; ср. Eutrop., IX, 15; Rufus, Brev., VIII; Malal., XII, стр. 301.